18+

ЛЮБОВЬ РЖАНАЯ

Страсти старухи Кефировой

Любовь Ржаная

Страсти старухи Кефировой. Повесть

https://litres.ru/69978319
ISBN 9785006081307

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Лирическая повесть о приключениях ироничной старушки Кефировой — настоящей Марго, о ее фантастическом полете и возвращении с того света.

Действие происходит на фоне прекрасной русской природы…

Опубликована в сборнике прозы Любови Ржаной «Точка бытия» в 2023 году.

Содержание

Страсти старухи Кефировой 5
Пролог 5
Гл.1. Перед дорогой в тверскую глушь 20
Гл. 2. Путь к деревне 24
Гл. 3. Путь к сердцу егеря 31
Гл. 4. Нечаянная радость 37
Гл. 5. Страсти в курятнике 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Страсти старухи Кефировой
Повесть

Любовь Ржаная

© Любовь Ржаная, 2026

ISBN 978-5-0060-8130-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страсти старухи Кефировой

Пролог

Намокший, идёт под дождём,
Но песни достоин и этот путник,
Не только хаги в цвету.

Японский поэт БАСЁ (1644—1694, перевод и орфография Веры Марковой. Примечание: Хаги — город в Японии.

…Когда старуха Кефирова стала бесплатным гидом по городу Твери на форумах, она еще не знала, что скоро станет писательницей. И что ее ждут настолько волнующие приключения, как если бы она превратилась в булгаковскую Маргариту и полетала на метле. Она не верила в сверхъестественное, хотя роман Булгакова любила.

Имя ее было — Любовь, отчество — Никаноровна. А фамилия была продуктовая — Кефирова. Относясь к себе иронично, она называла себя старухой Кефировой, причем никогда —старушкой. Ей не нравились Божьи одуванчики. Точнее, она их жалела, но сама она была не такая, а достаточно вредная, сильная. Девичья ее фамилия была Елкина, но покойный муж не хотел становиться Елкиным, а только

хмуро соглашался стать Елкиным-Палкиным, как его и называли бы в деревне.

Затеяв опубликовать свои многолетние стихи, Любовь Кефирова стала Любовью Ржаной, в противовес поэтессе Любови Пшеничной. Кефир с ржаными хлебцами совместим, она это ест. Так что проблема псевдонима была решена.

В детстве и в молодости она не любила, чтоб ее называли Любаней. А теперь она чаще всего так себя и называла. Ей нравилось имя Маргарита, но она и не предполагала, что однажды ее станут называть Марго.

Она не знала, бодро собираясь в деревню, что там прольет немало слез. Да из-за чего? какой-то ерунды?

В общем, возвращение Марго в город не сразу стало ее возвращением к жизни. А возвращение к жизни не сразу стало возвращением к самой себе, истинной Любане Кефировой.

Эти записки Любани, ставшие повестью — повестью ее жизни — в первую очередь обращены ко взрослым людям. Детям их читать и не нужно, вряд ли они поймут.

Автор, Любовь Ржаная, просит извинения за стиль, лексику, фантазии и откровенность. Она — не старуха Кефирова, это не ее автобиография. Это то, что старуха наговорила о себе, а может быть даже, с бокалом кагора в руке, валяясь на своем жестком диване в переживаниях о прожитом дне.

А старуха Любаня Кефирова не просит извинений у чита-

теля. Она так живет, так дышит, так чувствует.

Если интересно, заходите.

***

Из записок старухи Кефировой на одном форуме перед поездкой в деревню.

…В июле я вся в разъездах: то в автобусах по проселочным дорогам трясусь, а то и на нижней полке в плацкарте раскачиваюсь.

Конечно, была бы я продвинутая старуха — еще и на своем хёндае рассекала б пыль дорожную, но не сподобилась, и даже мужичка с логаном не приискала. Я их не ищу, наоборот, от авто я шарахаюсь, где только увижу, особенно на проселочной дороге. Это ведь раньше молодежь пела: «Бабка, в утиль тебе пора», а теперь запели по-другому. Напудрят ноздри кокаином…

Вообще в Твери у нас в основном тихо, спокойно, жизнь течет под гудки автомобилей и крик чаек с Волги. Лишь изредка кого-то убьют или до смерти напугают. Главное — не шастать ночью по улицам. А я люблю ночной город, без народа. Вот где истинная красота улиц открывается! А как Волга сияет! Сияет от фонарей на набережной и плещет, плещет и сияет… На мосту лишь изредка кто-то виднеется, в Волгу всматривается или сигануть хочет с высоты.

В прежние годы ночью по городу можно было запросто

пешком ходить, любоваться, целоваться, а теперь если только в автомобиле или последнем троллейбусе по городу покружишь, ночной пустынностью полюбуешься.

Лишь иногда в Твери происходят или вопиющие, или анекдотические случаи.

В мае произошел вопиющий случай. Азиатский иностранец, водитель маршрутки, заспорил с пассажиром, который осердился, что болтающий по мобильному шофер его вовремя не высадил. Иностранец, ныне понаехавший в Тверь на законных основаниях, выскочил из маршрутки и погнался за пассажиром с монтажкой, но тот ловким хуком выбил у него из рук эту монтажку и пошел невозмутимо дальше. А он не знал, что восток — дело тонкое. Маршруточник вскочил в свой пазик, газанул и погнался за пассажиром, въехал на тротуар и все-таки придавил там невозмутимого. Покалечил беднягу. Вот уж тут все вопили! Пассажиры от ужаса, соплеменники водителя прибежали и стали вопить от стыда и раскаяния, размахивая кулаками. Хорошо еще, что ножи не успели вытащить, для харакири.

Этот вопиющий случай привел к тому, что целых два дня на конечных остановках сотрудники ГИБДД проводили профилактику, то есть трясли маршруточников-гастарбайтеров и их местных хозяев, а потом, видимо, утрясли. И они теперь по-прежнему нас возят, хотя местный запуганный народ куда-то петицию писал, и стараются не гоняться за пассажира-

ми на тротуарах, лишь бы пассажиры им не дерзили во время движения транспорта.

А в июле произошел анекдотический вопиющий случай, и придется мне его тоже занести в свою летопись. На городском пляже дама в автомобиле вдавила голову загорающей девушки в песок. Хорошо, что та лежала на животе.

«Почувствовав, что по ее голове проехалась машина, пострадавшая подскочила и побежала за ней…» Это в газете. Всегда бы так… а то и на асфальте давят… тут уж пострадавшие за машинами не гоняются, с подскоками!

…Надо мне поторопиться с моими рассказами, а то скоро уеду в тайгу.

А я ведь не с одной сумкой-пакетом поеду, конечно, а еще свой баул возьму, надо уже его потихоньку собирать. Да и удочку куда-то надо запихнуть, которую я еще не применила с прошлого года. Не знаю, брать ли в деревню молоко в пакетах, парочку пакетов на неделю, потому что я не из тех старух, которых скручивает от молока, но которые хлещут квас и пиво. Конечно, там в деревне может оказаться и корова, но к ней очередь. Мало кто теперь держит коров. Колхозов-то нет, и посыпку стало красть негде. Фермы-то все на тверщине уже угроблены, только ветер и бродит в развалинах. Изредка какая-нибудь еще и стоит в поле, с двумя коровами и пьяным пастухом, уставшим вырубать борщевик.

Ну, а козье молоко я не пью — сладкое и жирное, да и козу я оббегаю за километр, тем более еще не знаю, вдруг это козел…

Отдеру доски с окна своей избушки на курьих ножках, да и поселюсь. Правда, если избушку уже заняли выселенцы из Питера или мертвые души из Москвы, придется искать другую хижину. Там их навалом, пустых хижин, почти без крыш. Главное, чтобы рядом жил егерь, который может спасти тебя от медведя. А медведь запросто развалит любую хижину, если почует там что-то съестное и съедобное, типа меня.

Это ведь раньше я была сухая как галета и тонкая, как вафельная трубочка. С тридцати до сорока была уже как сдобная пышка. А потом постепенно превратилась в рыхлый батон, в который наш «Волжский пекарь» что-то подсыпает против плесени. А медведю-то наплевать, он все жрет, что сладкое. Всю жизнь я на мороженых да на кофею со сгущенкой, просластилась насквозь, да еще и не совсем зачерствела.

Уж как я махну своей удочкой… если клевать не будет, уж как я топну своим резиновым сапогом, отпугивая кабанов и волков, да пойду по малину. Малина хороша тем, что ползать внаклонку за ней не надо, как за черникой. А черника хороша тем, что не червивая, как малина. Вот, по расска-

зам мамы моей, фашисты заставляли баб русских носить им чернику и брезговали малиной, гады.

Я могу даже сесть на обочину, набрав бидон малины, и продать проезжему москвичу. Чтобы купить в этой деревне мыло и веревку. Ведь я же не потащу из Твери мыло и всякую дребедень, баул и так уже тяжелый. А стирать-то мне там придется, и развесить на чем-то надо. Не на кустах же. Хотя если малину не купят, развешаю свои шорты прямо на заборе, если только его не украли на дрова.

Без забора я жить могу, это не главное. Главное — окружающая природа. Елки, сосенки, всякие кочки. В общем, вы чувствуете, что в мечтах я уже вся не в Твери, а за Тверью, в оковских лесах. С тем и засыпаю…

***

А проснулась я с хорошим настроением.

Мне приснился лес, куда я скоро десантируюсь. Мне приснился трясучий автобус, на котором я доеду до своего леса, болтая ножками. Хотя в реальности никогда не удается поболтать, я же большая и высокая.

Мне даже приснилась «Агата Кристи», и во сне я ей изредка подпевала громким храпом.

Куда бы ни приплыл моряк
За золото и серебро

Его везде поднимут флаг
Ему всегда нальют вино
Когда моряк на берегу
Все девушки бегут к нему…

А кто не знает, музыка — Александр Козлов, слова — Глеб Самойлов. Да разве есть кто-то, кто не знает?

Вот почему я рухнула с постели во сне! Я пританцовывала!

Как только опять заснула, приснился косматый геолог. Это все потому, что только и думаю о сказочной тайге.

Когда я на почте служил ямщиком
Ко мне постучался косматый геолог
И глядя на карту на белой стене
Он усмехнулся мне
Он рассказал, как плачет тайга
Без мужика она одинока
Нету на почте у них ямщика
Значит нам туда дорога

— Ля-ля-ля. А-ха-ха. Хей, хоп! (первый блин испекся). Обожаю «Агату Кристи»! Сказочная тайга, ты ждешь меня!

Новую кровь получила зима
И тебя она получит

Ну уж, я до зимы там жить не собираюсь, там и крыши нет. А мне самой избу не покрыть. Егерь женатый, ему свою крышу латать надо.

А если ко мне постучится в темное окно косматый геолог, я сразу ему все отдам, что у меня есть. И мыло, и веревку. Даже молоко, если оно еще останется в пакете.

Хотя ведь он не за этим явится! Придется взять с собой бутылку водки. Если он не угомонится и не скроется из глаз, засунув бутылку себе за пазуху, а захочет распить ее здесь и сейчас, и прямо со мной, я успокою его этой бутылкой, как Штирлиц наглого Холтоффа. Потому что я предчувствую, что дальше ему взбредет.

А где я спрячу его щетинистое тело? Хватит ли у меня сил оттащить его на пустырь, то есть в болото? И не потону ли я в этом болоте под тяжестью немолодого тела весом с кабана? А может, тело будет и молодое. Тем более не пожалею, раз он на меня покусился. У меня ничего и не осталось за душой, кроме чести. Старушечьей. Не для этого я еду в вонючем автобусе, чтобы опозорить себя перед собой. Благодать Божия на меня не сошла и вряд ли сойдет, чтобы бегать в городе к фонтанам, а в лесу к геологам на свидания.

Блин сгорел! А все из-за геолога. Омрачил начало дня,

косматый, даже о медведе забыла, который там уже изголодал на болоте. Он может, еще в прошлый год следил за мной из кустов, а я его не замечала, увлеченная клюквой. Вот, думает, старуха сделается в следующем сезоне пожирнее, я ее и хряпну… Ждет, сволочь.

Нет уж, все равно поеду в тайгу. Хорошо бы и ворошиловского стрелка с собой взять… Егеря-то жена со мной на болото не отпускает. Нет, ворошиловские стрелки мне не по карману. Придется самой взять рогатину. А что, раньше были такие бабы, которые на медведя ходили. Как хорошо, что я родилась не в это время…

Ну, трех блинов мне хватит. Для завтрака. Пора подумать и о прекрасном. Вчера ГИБДД снова гонялась по городу с сиренами, и все-таки она поймала окосевших гонщиков. Это я с утра в интернете контроль трезвости проверила. А сегодня у ГИБДД профессиональный праздник. Нельзя не отметить. Косматый геолог так и надеялся, что я в этот день буду уже в избушке. Нет, я выпью за ГИБДД пятьдесят грамм (ну не говорят же в таких случаях: граммов!) в одиночку. А чем закусывать? блинами? так икры-то нет. А, вот еще петушиный окорочок копченый в холодильнике завалялся.

Давно я так не праздновала, чтобы петухами заедать кагор. Живите, соколы ГИБДД, гоняйтесь за петухами, козлами и другими отморозками на тверских улицах, которые разогнавшись давят таких безобидных веселых старух, как я.

Ну, теперь можно и по крышам с вами полазить, я что-то осмелела, хотя не люблю высоту. Я и глубину не люблю, но ведь обещала, что покажу город с высоты и из глубины.

Если вы такой же руфер, как и я, мы обвяжемся веревками, прикрепим парашют, возьмемся крепко за руки, а то и за ноги, и заберемся все-таки на крышу. А если вы еще хуже руфер, чем я, и вас может вырвать от головокружения прямо на толпящихся внизу прохожих, указывающих на нас пальцами праздничной ГИБДД, то придется мне от вас отвязаться. Да нет, не в смысле стропил. Погубить вас я не хочу, да и в тюрьму, как и в монастырь, не собираюсь. Хотя говорят: не зарекайся… тьфу!

Давайте тогда посмотрим, что другие с высоты над Тверью наснимали. Ай-яй-яй, какая прелесть! Юрий Сурин просто герой! Высоко взлетал, сокол!

Вот я с высоты узрела все-таки тот кондитерский магазин, в котором однажды меня пронзило током. Об этом напоследок расскажу. Когда поведу вас к последнему фонтану, чтобы там и бросить. Надо же и вам надышаться сырым воздухом влюбленности, а может, и влюбиться в кого-нибудь, иначе Тверь вы неминуемо забудете. Как бы я ее тут ни расписывала в кренделях и пряниках, под орех.

Идем сегодня с вами в последний поход. Потому что зав-

тра я уже выйду из дома с удочкой наперевес и с рюкзаком за спиной… Почти все собрала, осталось купить то, что я должна припасти для бродячего геолога.

К фонтану — только вечером и нужно идти. Вот этот фонтан.

«Одним из красивейших в Твери считается фонтан на набережной Афанасия Никитина. Он находится на небольшой открытой площадке. Бассейн имеет форму шестиугольника, в котором установлены две чаши — в большую помещена меньшая. Оригинальность этого фонтана заключается в том, что струи воды направляются не от центра к краям бассейна, а наоборот. Притом, потоки воды двумя каскадами поднимаются вверх, что создает видимость утонченности и нежности». Это из интернета.

Пока вы восхищались и любовались, я кое-что вспомнила. Несколько лет назад разломали в ночи фонтан, еле его восстановили. Говорил же кто-то: если у тебя есть фонтан, заткни его, дай отдохнуть и фонтану!!! А я-то чего только про Тверь не порассказала! Про Тверь ладно, а ведь и про себя!

Теперь уж поздно затыкать фонтан, раз меня вовремя не забанили, тем более что рассказать мне осталось совсем немного…

Ведь я так все и думаю о деревне да тамошних бродягах. Арбалет-то свой выбросила… А это вот какая история. Я не

отвлекаюсь, это как раз про Тверь. Прошлым летом у меня отвалилось полстены. Шли дожди, кирпичная стена треснула, у окна образовался небольшой проем, примерно метр на метр. И ко мне прислали рабочих залепить эту амбразуру. Известно кого — азиатских умельцев. Полдела они сделали, оставили леса на месте и ушли спать. Ночью кто-то по лесам запрыгал. Выхватила я свой арбалет, доставшийся мне от Наполеона, как продавец говорил, и к окну: давно хотела пострелять с балкона, но сдерживалась, а тут подходящий случай. Мне даже и попробовать пострелять не пришлось — кто-то мягкий, как кошка, шмякнулся с лесов.

Легла я, да не спится — полстены-то еще с дырой. Думаю, кого я напугала? а вдруг прибежит толпа умельцев, залезут и отмолотят меня этим арбалетом по башке и по всей моей мягкой старушатине. Еле утра дождалась, побежала на берег и шваркнула его в Волгу.

Сейчас он мне как пригодился бы! Только б на болоте кто-то постучал по плечу и спросил, как пройти в библиотеку, — я выхватила бы свое оружие и успокоила шутника навсегда. И тащить далеко не пришлось бы.

А может, мне не искать избу, а сразу в курятник к егерю и попроситься? Егерь заломает любого, кто постучит в темное окно его курятника.

В общем-то, время у меня еще есть, чтобы придумать какое-то средство. Не скучайте по мне. Конечно, вам интерес-

но теперь, кто там кого заломает.

Я обещаю, что вернусь и напишу повесть, типа «Любаня и медведь». Или роман. Или басню. На что сил хватит.

Главное, стену мне тогда залепили и лесами кое-что не сломали. А вы знаете, что там за моим окном самое ценное. Это моя высокая голубая ель.

Прежде чем мы расстанемся у фонтана, вы непременно спросите, в какой же это тверской кондитерской шарахает током, чтобы туда не ходить. Не бойтесь, вас не шарахнет. Точнее, может шарахнуть, но не обязательно там. Я же другое имела в виду. Память сердца! Взгляд пронзительный! Когда вы столкнетесь в дверях с тем, кто посмотрит прямо в зрачки ваших синих глаз! Секунда, а помнится всю жизнь.

…Тверь, дорогая, прости — я не думала, что успела полюбить тебя за эти годы. Мне казалось порой, что я равнодушна к тебе, как и ты ко мне. Но ты стала моей судьбой. Я уже не хочу ее менять. Спасибо тебе за все.

А вам, дорогие мои, спасибо, что были со мной. Приезжайте, тут много таких старух. Чьи глаза были когда-то синими, смех задорным, жизнь грустной, любовь короткой, а память сердца — долгой.

Удачи всем. И спокойной ночи. И хорошего дня.

***

О своих приключениях в деревне я все-таки написала. Получились «Страсти старухи Кефировой».

Но только сразу предупреждаю, что как писатель старуха Кефирова — новичок. Хоть она и книги читает. Главная проблема — как угнаться за молодежью. Молодежь нынче пошла глазастая и языкастая, шпарит на своем жаргоне, а от наших стариковских речей ее тошнит, или она засыпает на ходу — динамизма и экспрессии не хватает, короче — матерщины и непотребщины. И леденящих сцен. Леденящих в моей жизни было мало. Это в основном когда пришлось зимовать в избе с неисправной печью. Вот это был колотун! леденящие постельные сцены! Но ведь нынче я зимовать в деревне не собираюсь! А где взять другие леденящие сцены, постельные? Геолог может и не нагрянуть!

Вот это мы и проверим.

Гл.1. Перед дорогой в тверскую глушь

Кукушка вдаль летит,
А голос долго стелется
За нею по воде.
Японский поэт БАСЁ (1644—1694), перевод Веры Марковой

Вчера утром я уже готова была шагнуть за порог с рюкзаком за плечами и удочкой в руке…

Но все-таки я свой отъезд на день отложила! В последнюю минуту перед дорогой в интернете тему нашла — про бешеных лис и очумелых медведей. Поняла, чего мне не хватает. Вечером по случаю своего ДР допила кагор, оставшийся от отмеченного с петушиным окорочком праздника ГИБДД, да и легла спать. Вот так живут тверские старухи.

Теперь по совету форума тем, кто бродит в диких лесах, достала петард (динамиту не дали), купила свисток и музыкальные инструменты, завтра выезжаю. Не поминайте лихом.

Музыкальные инструменты — бубен и дудка. Бубен пригодится для отпугивания зверей. Дудка — если вдруг свисток в лесу потеряю. Как же я буду без свистка или дудки взывать о помощи, если заблужусь? ведь я скоро охрипну, да

и что кричать-то? «Ау» не помогает — мало ли с кем я там аукаюсь, может, не одна в лес пришла. «Помогите! спасите!» — да все отбегут подальше от меня, и только. Может, там маньяк напал, или шайка маньяков. Народ помчится домой, за пистолетами. А потом не найдет место, откуда мой ор доносился. И тогда охрипшая старуха полезет на дерево, чтоб оглядеться и выйти к деревне самостоятельно. А вот этого я сделать не смогу, нечего и пробовать. Тонкое дерево меня не выдержит, а толстое я не обхвачу. Да и ноги высоко я теперь уже не задираю. Чтоб на ветку залезть. Так и засну в болоте без дудки и свистка, положив голову на бубен…

Про музыкальные инструменты это мне интернет подсказал.

А вы думали, я буду там, в деревне, играть на арфе? или на балалайке? и тем зарабатывать на веревку и мыло? Идея стоять с дудочкой в подземном переходе у вокзала мне еще не приходила в голову — значит, я неплохо живу и на пенсию.

Ахаха, я представила, как играю егерю на мандолине под его окном. У него как раз там скамеечка есть, можно сразу и в бубен подстукивать босоножкой. Или представила, как отпугиваю косматого геолога воем трубы, а то и хрипом саксофона, только он сунется к моему окну. Да если бы я умела играть на саксофоне или арфе, то неужели я была бы нищей старухой Кефировой? И валялась бы я не в тверском мху, а

на золотом песочке у моря, в Испании или хотя бы в Болгарии. Ну или в Анапе. А забавно помечтать, как я играю на скрипке… я люблю нежные мелодии… только запах курятника немного смущает. Но для искусства нет преград, оно и в дворцы, и в курятники проникает!

Ох как бурлит творческое воображение, стихи вот пишу. Пока только короткие, японские, тоскливые, как их беспомощный перед цунами остров. Нет, я-то в тоску не впадаю, рано еще. А потом будет поздно, вот так я и проскочу. Это правило мне всегда в жизни помогает. Вот стихи.

***
Плачет япона мать.
Старухи высокой в болоте
Рюкзак на осине висит…

***
Холодно стало медведю.
Ласки охота ему.
Вот бы пальнуть ему в задницу.

Про геолога тоже написала, но здесь печатать нельзя. Можно в последнем хоккуйном стихе заменить медведя на геолога, смысл такой же.

Боюсь, некогда будет на болото ходить — выдеру перо из

петуха и буду в курятнике строчить поэму о бесстрашной Любане. Кровью! Куриной, конечно — своей-то у меня уже мало осталось, лет на двадцать только.

…Там, в моей глухомани, будет еще не сильно широкая река Цна с торфяным дном и бурой водой. И в ней водится сом и щука, окунь и всякая серебристая мелочь. Я нацелилась на окуня. И заснула.

Гл. 2. Путь к деревне

Сушатся мелкие окуньки
На ветках ивы… Какая прохлада!
Рыбачьи хижины на берегу.
Японский поэт БАСЁ (1644—1694). Перевод Веры Марковой

Если вы, дорогие мои, уже видите меня с горячей сковородкой, на которой шкворчит зажаренный с золотистой корочкой в подсолнечном маслице, в колечках репчатого, сладкого, упревшего лука жирный окунь, то вы очень торопитесь. До этого окуня еще далеко. Утешу вас тем, что он был, хотя и не очень жирный — все же не карась. И огорчу тем, что он уже давно съеден. А кем съеден, потом расскажу. Я задумала все рассказывать по порядку.

Обратите внимание, что теперь в начале главы не указан день. Как дошли до 10, так счет прекратился. Между прочим, и там-то, в путеводителе, я считала ведь не ваши дни, а свои, писательские. Мне так легче было рассказывать. Я же шла по плану. А то можно подумать, что вы все десять дней бродили по прекрасному городу с какой-то старухой Кефировой под ручку. Конечно, если вам за восемьдесят, я еще могу покатать вас по Твери и в кресле на колесах. Не дай вам Бог, и меня Боже упаси. А если вам шестьдесят, вы еще по-

крутите головой по сторонам, в поисках сопровождающей. А если вам сорок или того меньше, вы вообще приедете в Тверь с подружкой и обойдетесь без старух-экскурсоводов.

В общем, теперь ежедневных отчетов я делать не смогу. В деревне интернет только с модема. А если я провод подвешу в курятнике, чтоб модем брал, и начну в темноте щелкать пальцами по клавишам, егерь сдаст меня, как радистку Кэт. Прямо в полицию. Ведь неизвестно, кому я там щелкаю. С кем я связана. Вот я и не стала заморачиваться насчет ноутбука. Да я и знала, что сил описывать свои похождения я наберусь только в Твери. Приняв горячую ванну… выпив чашечку кофе… И теперь все семь дней слились у меня в одно большое недельное приключение, то есть ночь смешалась с днем, а утро с вечером. Буду припоминать, да и все.

Заметьте, я наконец взяла для эпиграфа настоящий стих хокку знаменитого японца. Во-первых, он подходит к сюжету. Во-вторых, хочу примерить, намного ли мои хоккуйные стихи хуже. Или лучше. Если я беру чужое стихотворение, я обещаю называть автора. Но и своих хоккуев у меня теперь достаточно, и я их вставлю где нужно.

***

В тот день, когда я с поклажей на плечах и удочкой в руке бодро вышла из своей квартиры и заперла ее на ключ — я ведь на автобус не села! Но в деревню попала. Добавляю это, чтоб вы не подумали, будто я дошла до берега Волги и

там села удить, в черте города, в надежде поймать хоть полудохлого щуренка, нахлебавшегося стоков канализации. Стоки-то в Волгу есть. Бомжи там с удочками стоят. Нет, я там не ловлю, рядом с бомжами нечего ловить, сами знаете.

Я уже направлялась на автовокзал, как меня словно гром ударил по голове, и молния озарила мои мозги! Там же теперь стоят турникеты! А у меня полный рюкзак боеприпасов! Я впала в раздумья: петарды — это вооружение или нет? Кому петарды везешь, старая? Новый год уже прошел! Вот так и могла бы загреметь на нары — вылитая смертница. Да я тут же и призналась бы, только нажми на меня, что хочу взорвать болото со всеми окрестными деревнями и дачами випов. А там могла оказаться и дача олигарха, и тогда бы мне век не выйти на свободу. А могли бы заподозрить и теракт в автобусе. Тем более что автобус и так дымится всю дорогу, только чиркни…

Что же делать-то? Стою у стен автовокзала и думаю… Если я тут и брошу свой рюкзак, меня все равно найдут по отпечаткам. Еще хуже, теракт на вокзале. Япона мать, вынеси меня отсюда! Вот эти японизмы, досочинялась! Да и не могу я бросить свой рюкзак: там у меня и провизия, и бутылка «Пшеничной». Надо уносить.

И я поехала на маршрутке на кольцевую дорогу. Теперь меня спасет только попутный транспорт. Врать не буду, что

меня сразу подхватили. Долго стояла я, глотая пыль, пока кто-то соблазнился подвезти меня. Эх, молодость, почему ты так быстро пролетела? Тогда и пяти минут не стояла, как сразу тормозил жигуль, газ или камаз. И водители какие-то были не наглые, не маньяки. Поэтому голосовать я не боялась. Были такие места в моей глухомани, куда ни на чем, кроме попутки, и не доедешь… А теперь мне наплевать было, маньяк или не маньяк меня подцепит, лишь бы подальше от турникетов. Против маньяка у меня была дымовая шашка, да еще распылитель от комаров. Комаров плохо убивает, а вот если маньяку прямо в глаз направить, может и окосеть.

Ни хмурую, ни улыбающуюся — бабку никто не брал. Пришлось скособочиться и опереться на удочку, как на костыль. Мол, еду домой помирать после операции. Я же недалеко от областной больницы голосовала, на окраине. Подобрала меня какая-то девица на красной Божьей коровке. Села я сзади и всю дорогу молилась, чтобы девица справилась с управлением. Потому что Божья коровка неслась со скоростью дикой осы.

Глазеть на живописные окрестности мне не позволяло большое нервное напряжение и хихиканье этой девицы по мобильному. Тогда я стала размышлять о том, что меня ждет в деревне. И чего ждут мои друзья, то есть читатели? Начало-то я уже разместила в интернете. Так я хоть маленько отвлеклась от дороги. Все же назад поеду на автобусе — я люб-

лю поглазеть из окна на окрестности.

Варианты того, что предсказывают читатели — кто там кого заломает, нарисовались в голове такие.

1.Старушка уж не вернется. Ее заломает или медведь, или косматый геолог, или егерь.

2.Медведь заломает геолога, а шкура косматого (то есть медведя, конечно) достанется егерю. Старуха вернется живой, но потерявшей дар речи от потрясений. И вряд ли что расскажет.

3.Любаня сама заломает и медведя, и егеря, и всю деревню. И когда, и откуда она напишет свой отчет о содеянном, неизвестно.

Мне ни один вариант не нравился. Но должна ли я исполнять ожидания читателей? Вовсе не обязана. Да и сама я еще не знала, что все пойдет по четвертому варианту.

…Все-таки я должна сказать, где эта деревня находится, и какое у нее название. Должна, но не скажу. Иначе моя избушка, да и курятник егеря в следующий раз будут заняты понаехавшими отовсюду читателями. И мне придется топать в соседнюю деревню, нежилую, и там обустраивать хижину. А егерь туда может и не заглянуть, чтобы спасти меня от медведя. Я только намекну, что деревня эта недалеко от трассы, и мимо нее пару раз в день проходит рейсовый автобус. Днем из Твери идет, до конечного пункта, а к ночи обратно, в Тверь. А назвать ее можно хоть Гадюкино, хоть Погост,

хоть Кефирово. Нет, врать не могу, родовой деревни у мужа не было. Пусть тогда будет Погост.

Я туда забрела случайно, несколько лет назад. Меня взяла с собой одна женщина из Твери, которая боялась по лесу ходить одна, а грибов-то ей хотелось. Ну, тогда мы и разгляделили эту деревню, четыре избушки и дом егеря, и даже углубились километра на два в тайгу. Посидели на берегу речушки. В ней мы омыли свои измазанные черникой лица. И помечтали, как классно было бы жить в этой деревне. Блаженствуй, да и только. В пустующей избушке мы три ночи ночевали, и там спрятали сковородку, на которой мы жарили грибы. Избушка была брошена и со столом, и с продавленным диваном, и с железной ржавой кроватью, даже и тощие матрасы были. Егерь, который там за всем присматривает, убедившись, что мы не алкаши и не наркоманы, записал наши паспортные данные и разрешил нам в ней пожить. Но недолго. Вот в эту избушку я и ехала.

И приехала… Высадила меня девица на дороге, денег за проезд не взяла и понеслась дальше на озера. Я искренно пожелала ей счастливого пути. Теперь мне надо углубиться метров на пятьсот в лес, и там я увижу свой Погост.

И вот я углубилась, вижу Погост. Где же моя фазенда? Что-то ее нет на горизонте. Дом егеря желтенький стоит, сла-

ва Богу, а где в ста метрах от него была моя избушка, только черные бревна и кусок трубы кирпичной, весь закопченный. Ноги подкосились подо мной. Боже мой, думаю, неужели и жертвы есть? На их месте должна была быть я! Мне ведь егерь говорил, что труба неисправная. А проводку еще до меня срезали, от замыкания. И грибы в сковородке мы с подругой жарили на костре, посреди бывшего огорода… А где же теперь матрас для меня? Елки-палки, кто спалил мою избушку? Может, это косматый геолог? Сукин сын! Да жив ли он сам? А если жив, не занял ли он мое место в курятнике? И как мы там будем уживаться вдвоем? И не затопчет ли он меня, рухнув ночью с насеста? В душе моей поднялось смятение. Внутренний голос тоскливо сказал: япона мать…

И все же я пошла к пепелищу. Потому что в Тверь, не съев окуня, я возвращаться не хотела. И тащить обратно нераспитую бутылку мне было тяжело. Вот я сейчас с горя и напьюсь. Не сушатся мелкие окуньки На ветках ивы… Какая досада! Горелая хижина на берегу.

Гл. 3. Путь к сердцу егеря

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнездах своих.
Японский поэт ТИЁ (1703—1775). Перевод Веры Марковой

…Итак, я задумчиво поплелась к черным бревнам, рассмотреть их поближе. Может быть, еще увижу чугунную сковородку, спрятанную за печкой. Печка тоже сгорела и развалилась, но может, хоть сковородку не уперли сострадательные соседи. На этом Погосте живут, кроме егеря с женой, еще две семьи. Старик со старухой, к которым на лето приезжает толстый десятилетний внук Гоша, и семья, переехавшая откуда-то не так и давно, лет шесть назад. В отдалении стоит изба, где проживает глухая старуха с козой. Я никого из них не знаю, как их зовут — тоже не знаю, да и знать не хочу. Раз моя избушка сгорела. И им на меня тоже наплевать, лишь бы я их не ограбила.

Я могу в этой деревне доверять только егерю. Егерь притом добрее своей вечно роющей землю в огороде жены. Школы тут уже нет, больницы нет и не было, почты не стало, есть только ларек с засохшими пряниками и чупа-чупсом, да еще приклеены к стеклу кальмары сушеные. Если засунуть голо-

ву в узкое окно ларька, видны и банки с килькой в томате. Может, там и еще что есть. А хлеб привозят раз в неделю и продают с автолавки. И все берут мешками, на неделю-то. Сами жуют и скотине дают. Моя сгоревшая изба была украшением этой деревни. Типа гостиницей. Теперь ее нет. Даже в виде хостела. Нет, сковородки нигде не было. Валялась старая согнутая кочерга, но зачем она мне? Отбиваться от собак? А собаки тут есть, я знаю. Странно, что до сих пор не тявкают. Чужой ведь в деревне. Хотя какая это теперь деревня? Хутор, и только. Настоящий погост.

Эх, Любаня! Я уселась на пень давно спиленной старой лиственницы, торчащий из земли напротив бывшего крыльца моей избы, и подперла щеку рукой, упершись локтем в коленку. Что же я скажу егерю? Я не его тетя, чтобы здороваться с пылким поцелуем. Послеоперационную старуху тоже не изобразишь, потому что ходить всю неделю скособоченной я не смогу. Да и что он подумает? Помирать приехала бродяга на погост, а ему хоронить? А уж если он заметит удочку у умирающей старухи, он вообще рассвирепеет. Потому что некоторые старухи и старики перед смертью выживают из ума. И нечего им делать в этой деревне, пока дом егеря желтенький, а не черненький. Удочку мне выбрасывать жалко. А дарить егерю смешно: он если ловит рыбу, то сетью. Подарить Гоше? а может, этот бездельник Гоша и спалил домик? а я ему приз! Нет уж, с удочкой не расстанусь.

Чем же мне пронять егеря, чем соблазнить, чтоб он ме-

ня к себе пустил на неделю? Ведь в нежилую деревню я не настроена. Ну или хоть на три дня? За три дня я надеялась поймать тут хоть одного окуня. Вряд ли егеря соблазнишь бутылкой «Пшеничной». У него полон дом коньяку. Это ему презентуют заезжие охотники. Для них он и делянки в тайге овсом засевает, чтобы медведя подманить. Я видела, какие там вытоптаны лежбища, в этом овсе — мы с приятельницей углубились в прошлый раз до такой делянки. И сразу дунули оттуда прочь. Конечно, там не геолог валялся, пусть и не один, а с пойманной бабой. Это самый настоящий медведь со своим семейством отдыхал. И ждал охотников, чтобы показать им кузькину мать.

Все думы крутились вокруг бутылки. Лучше бы я не тратилась на нее, а дала егерю побольше денег. Конечно, у меня были с собой деньги, половина пенсии, и по расценкам хостела на неделю хватало. Но курятник-то — это ведь отдельные апартаменты, они дороже, чем шесть коек в два яруса, где у тебя койко-место может быть даже вместе с мужиками в одной комнате. Если я отдам полпенсии егерю, в ларек за кальмарами я уже не пойду. Хорошо, что в рюкзаке у меня супы в пакетах, а еще и две банки тушенки, и сухари. Умница ты, Кефирова, с тобой нигде не пропадешь. Так говорил мой покойный супруг, когда добивался, чтоб я купила ему опохмел. Есть шанс, что я поймаю окуня. Найду грибы. На худой конец, буду есть морошку и чернику. И запивать ключевой водой. Мне даже полезно похудеть.

Да возьмет ли егерь мои жалкие деньги? Честно говоря, на его месте я сама заплатила бы любой малознакомой старухе, надумавшей погостить у меня недельку, лишь бы она скрылась с глаз моих. Что же делать?

И вот, наконец, я стала понимать, кто я. Старая дура, да еще наглая. Явилась! Встречайте, старуха Кефирова в студии! Аплодисменты!

В невыразимой печали сидела я под исчезнувшими окнами сгоревшей избы, и когда на горизонте появился бдительный егерь, мои глаза уже были на мокром месте.

— Что, старая, уселась? домик-то тю-тю, — хмыкнул егерь.

Я всхлипнула. Егерь закурил и добавил:

— Этот бродяга спалил, я думаю. Все бурчал, что ему не открывают, а внутри кто-то хрюкает.

Я снова всхлипнула. Могла бы и погибнуть в огне, не открой дверь Косматому, а еще обидно слышать про хрюканье. Храплю, но не до такой же степени. Я ему еще бутылку тащу, лишний груз на горбу.

— А может, и не он поджег, — задумчиво продолжал егерь. — А его подожгли. Толком никто не понял, чьи там были обгорелые кости.

Я зарыдала. Честно говоря, я хотела бы увидеть геолога. Но не в гробу, а в живом виде. До тех пор, пока он на меня не покусился. В последнее время столько думаю о нем, о

муже меньше вспоминаю. Мой Кефиров был неинтересный мужик, никогда не ломился в чужие окна и не приставал к женщинам. И вспомнить о нем ничего леденящего и захватывающего не могу, пусть спит спокойно.

— Да не рыдай, это могли быть и не человечьи кости. У соседей свинья пропала. А до этого тут бомжи ночевали, их с автобуса ссадили.

Пришло время высморкаться. Вот тебе, бабушка, и Погост! Тут можно пропасть, как в черной дыре.

— Ладно, не реви, бабуля. Не бросать же тебя тут на ночь… Ехала, небось, мечтала поваляться на ржавой койке. А матрас-то и сгорел. Иди уж к нам, завтра дальше поплетешься.

Всхлипнула я от радости и поднялась с пенька: наконец-то, уже все себе отсидела. По моим наблюдениям, в сложной жизненной ситуации женщине вообще лучше рот не раскрывать. Тогда никакой мужик ее не обидит и сам все даст. Только всхлипывать надо уметь. А некоторые бабы рев поднимают. Это может превратить мужика в маньяка и распалить врожденный садизм. Поэтому после рева некоторые бабы ходят еще и с фингалом. Вот чем хорош был Кефиров — не был садистом. А я не ревела. Да и не всхлипывала. А чаще посмеивалась: и над собой, и над Кефировым. И мы пошли к егерю. Надо еще, чтоб егериха не упала в обморок. Лучше я застряну на пороге, будто ноги вытираю, а он пойдет и все скажет. Если я услышу из дома ор, сразу пройду

тихо в курятник, и всех делов. Жизнь налаживалась.

Полнолуния ночь!
Даже егерь не запер
Свою дверь перед бедной старухой.

Гл. 4. Нечаянная радость

Ива склонилась и спит.
И, кажется мне, соловей на ветке…
Это ее душа.
Японский поэт БАСЁ (1644—1694), перевод Веры Марковой

К моему удивлению, никакого крика из хаты не послышалось, наоборот, минут пять там было очень тихо. Наконец, появился егерь, а за спиной его показалась и жена, с любопытством уставившаяся на меня. Она даже улыбалась. Странно, что не слыхать и телевизора. Неужели ради меня она выключила и сериал?

— Здрасьте, здрасьте. Проходите, что ж стоять на пороге. Я вот чайник поставила. Сегодня такая серия интересная, а телевизор сломался. Надо в город везти.

Ах, вот оно что. Им скучно, и я их развлекаю своим появлением. Ладно, мне это на руку. Просто повезло! Конечно, на случай такого чаепития у меня был припасен вафельный торт. Рюкзак просто отличный, сколько в него влезает: еще ведь и одежа моя там, помимо продуктов и петард, чуть я про них не забыла. А сапоги-то свои резиновые я в руке, в прочном пакете ношу. Теперь самое важное было для меня — уговорить их, чтобы они старуху Кефирову не на одну

ночь пустили, а на несколько. Вот эту нахальную просьбу было очень трудно произнести. Язык просто не поворачивался. Да я и имен-то их вспомнить не могу! Только когда они в разговоре друг друга по именам назвали, я и вспомнила. А спросить было совсем стыдно: не помню, а явилась. Егеря имя было Юрий, а жену он называл Зиной.

И вот, пока я пила с ними чай, слушала рассказ Зинаиды о том, что у них народился в городе первый внук, что в это лето гостей у них не будет, потому что с младенцем тут в глуши делать нечего, и что они сами хотят проведать сына с невесткой, а главное — новорожденного внука, как только найдут, кто присмотрит пару дней за домом. Тут я чуть не захлебнулась, потому что внутренний голос сказал ехидно: хватайся, Любаня, двумя руками за этот шанс! Ведь знает внутренний голос, что я такую ответственность на себя взять вряд ли захочу. А предлагает! Да что такое, почему нельзя просто неделю проваляться в курятнике? Я и денег дам, полпенсии. И тут вдруг егерь сказал:

— А что, Никаноровна, поживи у нас, осмотрись. Может, и выручишь. У нас же скотины почти нет. Только свинья, куры, собаки. Коровы нынче нет. Насколько помню, бабка ты непьющая, серьезная, интеллигентная. Мы тебе доверяем.

А я очень близко к сердцу принимаю чужую доброту. Потому что я мало ее в жизни видела. Слезы выступили на моих глазах, и одна слезина капнула прямо в чашку. И тут вдруг я вспомнила, что у непьющей бабки бутылка водки в рюкзаке,

а у серьезной бабки петарды. А у интеллигентной — удочка и крючки на окуня, щуку и крокодила. Как же плохо жить, когда ты умеешь испытывать стыд! Мне было совестно. Но рассказать им всю правду о своем легкомыслии я не могла. Чтобы не разочаровать их, когда они уже не могут выгнать меня за порог.

Мое молчание егерь с женой восприняли по-своему.

— Ты не думай, Никаноровна, что мы хотим тебя поэксплуатировать. Мы тебе и продуктов накупим, и заплатим. Живи, как царица, — и егерь посмотрел на меня очень добрыми глазами. Зинаида, понизив голос, добавила:

— Соседям мы не можем доверить дом… У стариков Гоша очень опасный, хотя и ребенок… бродит всюду со своим электрошокером, трещит по деревне. Мол, от собак. Он же всю скотину нам покалечит. Обязательно увяжется за стариками, когда они пойдут дом проведывать. А вторая семья, честно говоря, квасит. Просто обворуют. От глухой Панкратихи проку нет, да она еле ходит…

— А нам нужен человек, который два дня сможет просидеть на месте, в дому, отпугивать воров, — продолжал егерь. — Вот ты сможешь отпугивать, даже не сомневайся и не трусь.

Я не была уверена, что смогу отпугнуть плохих людей, я в основном отпугивала как раз хороших, с нежной душой. Потому что вид у меня хмурый и суровый чаще всего. Но что было делать, раз так просят? Мне потом легче будет по-

проситься у них еще пожить в курятнике.

— Хорошо, дайте мне ночь подумать, ладно? надо ведь обмозговать… — тут я не стала уточнять, что я буду мозговать.

— А ладно, Никаноровна, подумай. Неожиданно все вышло. Я ведь сразу-то не собразил, какая нам от тебя польза получается. Это Зина подсказала, — и егерь почесал подбородок точь-в-точь как мужик на смайлике. А Зина ласково добавила:

— Располагайтесь, Любовь Никаноровна, я вам уже и постелила в той комнате.

Вот это было лишнее. Это мне совсем не подходило! Причин было две. Во-первых, зачем я буду их стеснять, когда я храплю? Я же знаю эти деревянные стены с портьерой на двери. Храп меня стал мучить недавно, года два. Мне-то и ладно, я себя не слышу, а соседям каково? В хрущевке у нас стены как картонные. Спросила я однажды стариков-соседей, не беспокою ли их по ночам. Тихая такая семейная пара. Нет, говорят, мы еще в молодости мечтали засыпать под шум прибоя… Вот какие деликатные. А егерь с женой вряд ли мечтают о шуме прибоя. Если на Цне будет наводнение, домик уплывет. Что ж мне пугать их ночью? Да и стыдно мне за храп. Это раз. А второе — все-таки охота испытать, сунется ли ко мне бродячий геолог. Сюда, в дом егеря он точно не сунется. И я останусь без романтических впечатлений для сердца. И без леденящих сцен для читателя.

Ну почему всегда так все сложно? Почему нужно выдумывать какие-то причины и оправдания? Почему я не могу сказать прямо, что жду встречи с бродячим геологом? чтобы огреть его бутылкой водки? и что у меня для самообороны есть даже петарды? И тогда я набралась смелости и твердым голосом сказала, что мои раздумья должны происходить в полном одиночестве, желательно среди кур, по которым я так соскучилась в городе. Ведь я много лет жила и в деревне. Говорила я вежливо и проникновенно, и даже под конец извинилась за свои чудачества.

Егерь переглянулся с женой, и Зинаида попробовала меня отговорить. Мол, там же нет чистоты и стерильности… запах… спать на сене, хотя и матрас дадут… А егерь сказал, что злой петух, способный больно клюнуть. Но меня было уже не переубедить. Курятник, да и только.

— А может, лучше тогда в баню?

Ну, баня-то у них стоит на задах, у самой реки, чтоб воду носить сподручнее. И там я реально буду одна-одинешенька. И беззащитна против поджигателей. А курятник вряд ли осмелятся спалить. Так что пусть нет стерильности, зато покой.

Вот и всегда я влипну, как кур во щи. Но это я поняла не сразу. Мы уже тащили одеяла и подушку во двор, прямо к курятнику. Хорошо, что свинья в другом сарае. Собаки, две лайки, самец и самка, сразу поняли, что я не вор, раз иду с хозяевами, и утихли.

А что дальше было, расскажу потом, когда отдохну.

Гл. 5. Страсти в курятнике

Где твой рожок, пастух?
Играет солнце на свежих листьях
Крапивы… Жгучая радость утра.

Подойдя к двери невысокого курятника, егерь остановился и показал мне на задвижку.

— Никаноровна, закрывать тебя или нет? Мы, конечно, ведро тебе поставим, но вдруг ты захочешь ночью пройтись до уборной? Вон она, рядом с хлевом. Пять шагов. Собаки на цепи, цепь сюда не достает. Ходи по огороду смело! Можешь и горохом полакомиться, нынче его много. Он у нас сладкий. Гоша уже пробовал, мы его видали.

Зинаида все-таки обращалась ко мне на «вы».

— Вы, Никаноровна, можете в любой момент вернуться в дом. Только стукните нам в окно спальни — мы откроем.

Я туго соображаю, поэтому часто у меня получается большая театральная пауза. Они думают, что я уже расхотела лезть в курятник, потому и медлю. А я думаю, хорошо это или плохо, что меня могут запереть снаружи на задвижку. Ведь я только сейчас осознала, что изнутри запоров нет. Не петух же будет запираться на ночь. А как же я? У меня не будет даже возможности накинуть крюк на железную петлю! Я остаюсь беззащитная перед проникновением любого ма-

ньяка. Нет, надо что-то придумать. Какой там огород, какой там сортир. Дайте мне ведро, петуха я не стесняюсь, как и он меня — гадит небось направо и налево. И заприте меня не просто на задвижку, а и на замок! Ключом!

Егерь снова поскреб щетинистый подбородок.

— Нет, Никаноровна, на замок не сможем, все-таки ты живой человек, нам совесть не позволит. Да и на задвижку не надо. А кого ты боишься-то? Если к курям залезет хорь, или лиса прокрадется, то они подкопают, замком их не отпугнешь. А человек сюда не сунется: охота ради двух-трех яиц лезть на рожон? ведь я пристрелю, если кто полезет. Ружье мое всегда в изголовье у кровати.

Боже мой! Какой опасности подвергается мой геолог! А я еще стих выдумала: вот бы пальнуть ему в задницу! Как в воду глядела!

— Хорошо, — говорю, — и на задвижку не запирайте. Я уже чувствую, что буду ходить ночью по огороду и бегать в сортир. Только не стреляйте. Я ведь могу и в хламье ходить, которое с собой привезла. Вылитый мужик. Можете принять за вора.

Наконец-то егерь открыл скрипучую дверь курятника, и мы шагнули внутрь. Внутри было довольно просторно. Запахи я эти знаю, мне они не страшны. Вот он, дух деревни! Штук двенадцать белых кур спокойно дремали на насесте. В самом углу на насесте сидел кто-то большой, как индюк, ры-

жий, с красным гребнем. В жизни я не видала таких огромных петухов.

— А где же ваш Петя? у вас же был такой белый петушок…

— Петю задрал хорь, сволочь. Вот купили Ирода. Ирод задерет любого хоря, потому и терпим. Просто зверь, а не петух. Приходится держать на кольце.

Ирод уже не дремал. Он беспокойно двигал своей петушиной башкой с трясущимся гребнем, то вытягивая длинную шею, то убирая ее, как трансформер. Он уже похрипывал и часто дышал. И вдруг он взлетел с насеста, хлопнув огромными крыльями, и чуть не сбил меня с ног. Хорошо, что одна нога у него была обвязана толстой веревкой, настоящим канатом, и двухметровый канат этот железным кольцом на конце был накинут на ржавый крюк в стене, рядом с насестом. Ироду чуть-чуть не хватило каната, чтобы приземлиться на меня. Егерь выхватил удочку из моих ослабевших рук и долбанул ею Ирода по спине.

— Тварь! Божия… Сиди смирно, гад, пошел на насест! Я те задам!

И он еще раз долбанул захрипевшего Ирода по жирной бочине, да подкинул его сапогом на насест.

Я молчала в потрясении. Моя удочка! Как она пригодилась! Вот ее судьба! Или сломать спину Ироду, или сломаться напополам! Егерь присмотрелся, что он держит в руках.

— Никаноровна! А ведь это удочка! а я думал, тросточка твоя! Дубинку-то я у порога оставил, забыл, что без нее к Ироду лучше не заходить.

И он стал с любопытством осматривать мою удочку, уцелевшую в бою с Иродом.

— А зачем она тебе?

И тогда мой внутренний голос подсказал мне единственно правильный ответ.

— Да нашла на дороге. Сошла с автобуса, а она возле остановки и лежит. Кто-то забыл, уезжая. Не пропадать же добру.

— А ты разве с автобуса сошла? Вроде он сегодня прошел не останавливаясь, никто не сходил.

Во дает, сквозь лес видит за пятьсот метров, кто сходит с автобуса. Надо врать дальше.

— А я сошла на предыдущей остановке, перепутала деревни. Вот там удочка и валялась. Пришлось бы мне три километра чапать по шоссе — хорошо, красная машина подхватила.

Зинаида подала голос.

— А там только старуха Мокеиха живет. Надо ей вернуть удочку. Сама она не ловит, а внуки к ней приезжали. Побросали вещи, растяпы. Видать, напихала им солений-варений, сто узлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.